

ФИЛОЛОГИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 319–336
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 319–336
©Автор(ы) 2017

ФИЛОСОФИЯ СЧАСТЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.М. КАРАМЗИНА: В ПОИСКАХ ИСТИННОГО БЛАЖЕНСТВА

Т.Е. Абрамзон

*Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск,
ate71@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию философии счастья в поэзии, публицистике и «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина, а именно рассмотрению основных этапов формирования карамзинской концепции счастья и ее особенностям, связанным с жанровой спецификой произведений. В основных своих чертах концепция счастья складывается в московский период жизни и творчества Карамзина в 1780-х годах под влиянием масонской философии и преромантической поэзии: земное счастье признается тенью истинного небесного блаженства. После разрыва с масонами и заграничной поездки Карамзин в «Письмах русского путешественника» (1791–1792) предлагает читателю разнообразие точек зрения на счастье, которое не сводится к строгой системе: автор создает принципиально открытое для читательского восприятия повествование, в котором глубокие философские взгляды уравновешены иронией автора или бытовыми, наивными историями о счастье. В философско-публицистическом эссе «О счастливейшем времени жизни» (1803) Карамзин открыто полемизирует с античными и современными философами по поводу счастья, доказывая его невозможность на земле и уличая философов в обмане. Философия счастья Карамзина основана на синтезе античных и европейских просветительских концепций счастья, основным стержнем которой является этическое начало, однако истинное счастье, блаженство вновь отпущено на небеса.

Ключевые слова: Просвещение, Карамзин, «Письма русского путешественника», масонство, философия счастья, земное счастье

Абрамзон Татьяна Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного университета им. Г.И. Носова.

Европейские просветители выдвинули счастье на роль ключевого понятия в жизни человека и государства, наделив его ценностью и объявив его пределом человеческого существования. Вдруг обретенные значимость и высокий статус превратили счастье в *terra incognita*, которую еще предстоит открыть и описать. Мыслители XVIII века (Локк, Вольтер, Гельвеций, Руссо, Монтескье, Джонсон и др.) проделали огромную работу для того, чтобы счастье обрело земное измерение в самых различных вариантах: от материального до идеального, от счастья в обществе до эскейпизма, тихого счастья на лоне природы. Основной познавательный прием, используемый почти всеми европейскими мыслителями в атрибуции счастья, заключался в том, чтобы определить его через другие, якобы понятные и знакомые понятия, найти эквивалент счастья (любовь, добродетель, семья, творчество и пр.). Кроме того, понятие *счастье* стало выступать в качестве идентификационного конструкта, через призму которого человек осмыслял собственное «я», индивидуальную систему ценностей и свое отношение к миру.

Важность проблемы счастья для эпохи Просвещения не могла не привлечь внимание ученых, подробно и глубоко исследовавших историю счастья в Европе, в частности, в Англии, Франции и др.¹ Однако история поисков счастья российскими просветителями, наследующая европейским открытиям и ищущая собственных путей в решении проблемы, оказалась на периферии внимания отечественных и западных исследователей, что, несомненно, обедняет представление как о русском XVIII веке, так и об эпохе Просвещения в целом. В этом смысле Карамзин представляет безусловный интерес не только как талантливый художник и своеобразный мыслитель, но и в силу того что его творчество, находясь на рубеже веков, венчает эпоху Просвещения, открывает новый этап в истории литературы, русского философствования и культуры². Задача данной работы состоит в том, чтобы проанализировать основные этапы в формировании концепции счастья Карамзина и выявить особенности этой концепции в зависимости от жанровой специфики произведений. Основное наше внимание будет сосредоточено на «Письмах русского путешественника», в котором проблема счастья получает многостороннее освещение, поэтические и публицистические опыты Карамзина привлекаются нами в большей степени для того, чтобы сложить историю поисков счастья в законченный сюжет с завязкой и развязкой.

1. О счастье в карамзинской поэзии 1780-х гг.: на стыке масонской философии и преромантических тенденций

Как известно, Карамзин, вступивший в масонское братство в ложу «Златого венца» еще в Симбирске и переехавший в Москву по предложению «старшего брата», «мастера» И.П. Тургенева, оказался в самом центре московского розенкрейцерского общества. Устроенная Н.И. Новиковым типография в Кривоколенном переулке служила также жилищем для многих «братьев», в их числе были С.И. Гамалея, А.А. Петров, Я. Ленц, А.М. Кутузов и молодой Н. Карамзин. Близким другом и наставником Карамзина стал А.М. Кутузов, «любезный меланхо-

¹ Mauzi 1960, 725; Potkay 2000, 241; 2010, 523–544; Kavanagh 1996, 294; Kavanagh, Norton 2014, 159.

² См.: Смирнов 2004, 370–379; Сапченко 2004, 303–315.

лик», склонный к пессимистичным думам, публиковавший переводы «Ночных мыслей» Э. Юнга в «Утреннем свете» (с 1778 года)³, а также переводы статей Х.Ф. Геллерта в «Московском ежемесячном издании» (1781). А. Кутузов проповедовал, что «счастье и несчастье не составляют нашей сущности» и что «счастье и несчастье существуют по большей части в едином нашем воображении»⁴. Он призывал к терпению в земной жизни, говорил о необходимости подчиниться воле Всевышнего. Будучи убежденным сторонником идеи невозможности счастья на земле, Кутузов писал: «Доколе мы носим на нас одежду тленности, нет нам надежды наслаждаться чистою радостью. Существует ли она на земле сей? Мы окружены тленностию, все здесь мечта и сон. То, что мы называем щастием, есть не что иное, как кратковременное отсутствие горестей. Справедливо говорит любимый мною стихотворец:

I know the terms on which he – человек – sees the light!
He that is born, is listed; life is war;
Eternal war with woe. Who bears it best,
Deserves it least⁵.

Уроки профессора Шадена, старейшего преподавателя Московского университета, масонские поиски Бога, добродетели и истины, преромантическая поэзия, любимая и активно переводимая на русский язык близкими друзьями, определили мировоззрение Карамзина, которое во многом сохранится и после разрыва с масонским кругом⁶. Жизнь есть сон, мир есть училище терпения, счастье возможно только на небесах – эти идеи масонской философии найдут отражение в поэзии Карамзина как до заграничного путешествия, так и после. Приведем примеры.

Проникнутое масонскими идеями о жизни и смерти стихотворение «Часто здесь в юдоли мрачной» (1787) Карамзина отчетливо делится на две части. Первая часть рисует картину безрадостного земного существования человека, полного бед и страданий, и заканчивается призывом признать, что человек несчастлив на земле. Вторая часть построена на советах-императивах, каким образом уменьшить печаль и страдания: забывать прошлые беды, не слишком радоваться в забавах и не слишком печалиться в горести. Главное утешение, предлагаемое читателю Карамзиным, заключено в финальном четверостишии стихотворения: «будь уверен», счастье не живет между людей, и то, что люди называют счастьем есть лишь тень счастья.

Подлинное счастье находится «выше звезд, на небесах», на земле его найти невозможно («Счастье истинно хранится», 1787). Единственным утешением в земной юдоли является дружба, но и она исчезает, но и друзья умирают, и однажды весь мир обратиться в пепел. Дружба – своеобразная уступка, светлое начало в мрачной картине бытия, изображаемой Карамзиным. Земное счастье попадает под временной критерий проверки и не выдерживает его. Достижение блаженства возможно лишь после смерти как заслуга за земные страдания («Господи-

³ Позднее переводы А. Кутузова вышли книгой «Плач Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1785), которая выдержала три переиздания до конца века. См. подробнее: Заборов 1964; Левин 1990; Кочеткова 1994.

⁴ Барсков 1915, 56–57.

⁵ Письмо А.М. Кутузова к А.Н. Радищеву, 27 марта–7 апреля, 1792 (Барсков 1915).

⁶ О масонском периоде жизни Карамзина в Москве в 1785–1789 гг. и масонских образах в карамзинской поэзии см. также: Сахаров 2000, 144–156; Маслова 2012, 128–131.

ну Д<митриеву> на болезнь его», 1788). Четыре года, проведенные в кругу розенкрейцеров, которые ввели Карамзина в сферу философских и литературных вопросов, определили его мировоззрение на всю жизнь⁷. Однако и после заграничного путешествия отрицание земного счастья сохранит свою актуальность в карамзинской поэзии: на земле «искать блаженства нам не должно, / Но должно – менее страдать» («Послание к Дмитриеву», 1794), дружба – утешение в земной печали.

В «Послании к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794), юному другу, начинающему свой путь в обществе, Карамзин выступает мудрым наставником, предлагая размышление о счастье («О счастье слово»), которого ищут все смертные, но, согласно автору, ни один не нашел. Эти стихотворения проникнуто новой интонацией, иронией, высвечивающей бесплодность многовековых поисков счастья философами. Античные мыслители – «Фалес, Хилон, / Питтак, Эпименид, Критон, / Бионы, Симмии, Стильпоны, / Эсхины, Эммии, Зеноны» – указывали различные средства по обретению счастья на земле, но в этой ученой расправе не было истины. В подобном же ключе Карамзин отзывается и о современных мудрецах, обещающих открыть путь к счастью, но живущих, как и все смертные, под игом бед и зол. После критического отзыва о древней и современной философии следует императив, как и в предыдущих стихотворениях: «Престанем льстить себя мечтой, / Искать блаженство под луной!» Прямое отрицание земного счастья приправлено иронией в адрес масонов: скорее отыщешь философский камень, нежели проживешь на земле без горя. В противовес мудрецам древности и современности Карамзин предлагает собственную картину мира, в которой нет места для истинного блаженства. Он создает миф творения, используя библейские формулы и образы греческой мифологии: место Творца занимают «судьбы», создавшие «свет» с немногими благами и многими бедами и отправившие на землю «суеты». Суетные желания, мечты о славе, власти, богатстве не дают счастья. Исторический пример, который приводит Карамзин в пользу своей концепции, – открытие Америки Колумбом, принесшее рабство и страдание коренному населению, а первооткрывателю – смерть в цепях. Идею эскейпизма Карамзин также отрицает, и далее рисует идеал благополучия с каждодневным трудом и отдыхом в кругу семьи и друзей. Человек не может обрести счастье, но может сделать так, чтобы жизнь не стала адом, чтобы не кончить ее «железом или ядом». Поэтический дискурс задает особую систему координат, в которой и рассматривается счастье: в ней всегда присутствуют вечность и небеса, конкуренцию которым земные блага, непостоянные и призрачные составить не могут. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что концепция счастья в основных своих чертах останется неизменной, но вот эта интонация иронии над миром, философией, масонскими идеями зарождается после (или во время) заграничного путешествия, в «Письмах русского путешественника», в которых проблема счастья занимает одно из центральных мест.

⁷ Тихонравов 1862, 471.

2 Многообразие концепций счастья в «Письмах русского путешественника» (1791-1792): философские прозрения, ностальгия по золотому веку и ироничные рецепты счастья

2.1 Временная парадигма счастья: неизвестность будущего или отрицание счастья

Давно установлено, что «Письма русского путешественника» Карамзина – не реальный дневник путешественника, а литературная имитация дорожных писем с хорошо продуманным художественным замыслом⁸. Калейдоскоп событий, масок повествователя-путешественника, идей и точек зрения в «Письмах» Карамзина подчиняется нескольким линиям художественного напряжения, одна из них – поиск счастья, что позволяет рассматривать сюжет путешествия чувствительного молодого россиянина, отправляющегося в Европу, как путешествие за счастьем. Путешественник, только отправившись в путь, уже в первом письме («Тверь, 18 мая 1789») высказывает мысль о невозможности счастья: «Все прошедшее есть сон и тень: ах! <...>Если бы человеку, самому благополучному, вдруг открылось будущее, то замерло бы сердце его от ужаса и язык его онемел бы в самую ту минуту, в которую он думал назвать себя счастливейшим из смертных!..»⁹. Повествователь задает временную парадигму, в которой прошлое есть тень, будущее вселяет страх и ужас, в результате – и то, и другое отрицает возможность счастья и благополучия настоящего момента.

Эта мысль созвучна идеям морально-философского трактата Х. Ф. Геллерта, немецкого поэта и моралиста второй трети XVIII века, - «Почему нехорошо предугадывать судьбу свою», перевод которого был сделан А.М. Кутузовым и опубликован в «Московском ежемесячном издании» (1781). Геллерт размышляет о неискоренимом желании человека приподнять таинственную завесу и увидеть будущее, узнать свой жребий¹⁰. По мнению немецкого философа, оно вытекает из другого природного свойства человека, а именно – из стремления к счастью. Проанализировав выгоды и потери человека, узнавшего вдруг о своем счастье или несчастье, Геллерт приходит к однозначному выводу: знание о будущих событиях способно лишь навредить человеку. Более того, философ уверен, что недолго продлилась бы жизнь на земле, если бы люди предвидели свой жребий, и воздаст хвалу мудрости Творца, скрывшего от человека грядущее. Карамзин вторит Геллерту и усиливает пессимистические ноты: неизвестность будущего повергает в ужас человека. Однако эта мысль, включенная в сюжет путешествия, прочитывается одновременно и как философское обобщение, и как сиюминутный страх путешественника: что же он обрящет на пути своем? Неведение будущего, которое, согласно повествователю, неминуемо принесет горе и страдание, исключает саму возможность полного счастья.

Кстати, о Геллерте повествователь упоминает в «Письмах» не единожды, и в связи с вопросом о счастье. Путешественник, гуляя в Вендлеровом саду в Лейпциге, смотрит на памятник Геллерта и вспоминает «счастливое время ребячества», когда он плакал и смеялся над баснями Геллерта, составлявшими всю его библиотеку («Fabeln und Erzählungen», 1746). Повествователь приводит слова профессора, преподававшего в московском университете по Геллертовым лекциям и наставлявшего учеников: «Друзья мои! Будьте таковы, какими учит вас быть Геллерт, и вы будете счастливы!» После чего путешественник, растроганный вос-

⁸ Сиповский 1899.

⁹ Карамзин 1984, 5.

¹⁰ Московское ежемесячное издание 1781, 47–70.

поминаниями, восклицает: «довольно тени! И что еще в будущем ожидает меня?». Наставление «жить по Геллерту», то есть быть добродетельными людьми, как залог неперемного счастья тут же разбивается об идею неизвестности будущего, не позволяющей человеку быть совершенно счастливым в настоящем. Однако счастье выступает в качестве универсальной оценки жизни, разделяющей события на две противоположные категории.

2.2 «К счастью» и «к несчастью»

«К счастью» и «к несчастью» - вводные слова, разговорные формулы, на первый взгляд, малозначачие, имеющие отношение к быту, а не к бытию. Однако это не вполне справедливо: они становятся маркерами, делящими все происходящее на две группы. *К счастью* и *к несчастью* – дуалистическая модель, сформированная культурой Нового времени: эта бинарная оппозиция приходит на смену мифологическим моделям «правда/кривда», «добро/зло» и религиозной модели «от Бога»/ «от лукавого». События воспринимаются через призму сознания путешественника: «к несчастью», путешественнику вздумалось ехать из Петербурга на перекладных, и нигде не было хороших кибиток; «к несчастью», проводник не знал дороги на леднике в Гриндельвальде; «к несчастью», в Лозанне нельзя было прогуливаться из-за проливного дождя; «к счастью», воров, похитивших картины из Дрезденской галереи, поймали, а картины водворили на место; «к счастью», оркестр заиграл и помог избавиться путешественнику от неловкости в опере и др. Отметим, что события, случившиеся «к несчастью», в два раза перевешивают события счастливые. Ситуативность формулы, ее окказиональный характер и употребление ее в самых что ни на есть бытовых смыслах и ситуациях не отменяет оценочный характер повествования, не отменяет модель мира, распадающуюся на две части - счастливую и несчастную.

Тому, что такая оценка с точки зрения счастья и несчастья действительно стала всеохватной, универсальной, прилагаемой к любому событию, находим подтверждение в журнале чуть более позднего времени. Статья «О щасти» анонимного автора начинается следующим тезисом: о чем бы ни говорили люди, их разговор сбивается на определение «к счастью» или «к несчастью»¹¹. Если беседуют о политике, то припоминают все, что может послужить на благо государства или к его разрушению; если говорят о дневных новостях, то о счастливых или несчастных обстоятельствах; если рассуждают о частных делах, то о щасти или несчасти отдельного человека. Основная идея статьи – укор современникам, возлагающим ответственность за собственные несчастья на Фортуны или случай и присваивающим себе славу при удачном исходе дела.

Еще одно разговорное клише, часто используемое повествователем, - «счастливого пути», которая вполне естественно смотрится в дневнике путешествия. Эта формула завершает эпизоды-встречи: путешественник разговаривает с неким господином З. на одной из станций за Дерптом, после чего желает ему счастливого пути и бросается на постель; поговорив с Николаем, известным книгопродавцем и автором, путешественник пожелал счастливого пути; прекрасная саксонка желает путешественнику счастливого пути; господин поручик, вспрыгнув на коня, кричит путешественнику «счастливого пути» и пускается во всю прыть. Однако эта формула не только завершает эпизод встречи с кем-либо и перебрасывает мост к

¹¹ Улей 1811/IX, 232–236.

дальнейшему повествованию. И если принять во внимание, что счастье является одним из ключевых понятий и для эпохи, и для автора, то пожелание счастливого пути выглядит как пожелание путешественнику – совершить смотр счастья у разных народов и найти ответ на вопрос: кому живется счастливо, вольготно но не на Руси, а в Европе? Есть ли счастье на земле? Все философы и поэты, с которыми встречается путешественник, желают ему счастья не только в путешествии, но и в пути жизненном: и Боннет, философ с чувством, и Виланд, с холодным видом встретивший путешественника и горячо желавший ему счастья на прощанье, и Вейсе с его добрыми словами: «Путешествуйте счастливо <...> и наслаждайтесь всем, что может принести удовольствие чистому сердцу!». От конкретного случая повествователь переходит к обобщению: «Один взгляд на доброго есть счастье для того, в ком не закрутилось чувство добра». Эти пожелания «счастливого пути» в метасюжете путешествия заключают в себе важную просветительскую интенцию: каждый должен обрести свое счастье. Но где ж его найти?

2.3 Счастье в наслаждении искусством: и все-таки театр

Мгновения счастья дарит человеку искусство драматической игры, пробуждая в нем особую чувствительность. В Берлине путешественник смотрит драму «Ненависть к людям и раскаяние» Коцебу (“The Stranger” by Mr. Kotzebue), после чего критикует автора пьесы и хвалит актеров, которые смогли растрогать его душу до сладких слез. Именно это состояние, по Карамзину, и есть счастье: «Вышедши из театра, обтер я на крыльце последнюю сладкую слезу. Поверите ли, друзья мои, что нынешний вечер причисляю я к счастливейшим вечерам моей жизни? И пусть теперь доказывают мне, что изящные искусства не имеют влияния на счастье наше! Нет, я буду всегда благословлять их действие, пока сердце будет биться в груди моей – пока будет оно чувствительно!». Полемическая реплика – «И пусть теперь доказывают мне» – адресована Ж.-Ж. Руссо, к тому времени уже покойному, доказывавшему, что науки и искусства не способствовали прогрессу, не принесли облегчения низшим сословиям, не привели общество к добродетели («Discours sur les science et les arts», 1750). Сам Руссо полагал, что его трактат посвящен важнейшему вопросу: «Не метафизические тонкости, проникшие во все роды литературы, от которых не всегда свободны академические программы, служат предметом этого рассуждения: нет, речь идет об одной из тех истин, от коих зависит счастье человечества»¹². Через несколько десятков страниц повествователь воздаст дань уважения и восхищения французским философом, кинувшим клич «назад к природе», однако руссоистская концепция о пагубном воздействии наук и искусств на общество не будет принята Карамзиным, как и большинством русских мыслителей того времени¹³.

Но не только полемикой с Руссо интересен этот фрагмент. Берлинский спектакль, о котором пишет повествователь, пробудил сильные чувства, заставил путешественника пережить душевное потрясение. Схожим образом путешественник описывает и свои впечатления от трагедии «Дон Карлос» Шиллера. Дело в том, что обычно счастье включает состояние покоя (на лоне природы, в кругу семьи, в тиши ученого кабинета и пр.), но в случае с театральным искусством это правило не работает. Напротив, искусственные страсти как отражения человеческих стра-

¹² Руссо 1961, 41.

¹³ Лотман 1969, 562–563, 582–583.

стей вызывают сверхсильные чувства, чувство счастья от пережитого волнения за судьбу вымышленных персонажей. Однако не искусство выдвинуто Карамзиным на роль истинного счастья на земле.

2.4 Счастье семейное: и все-таки оно существует

Утомительные размышления о тайне рока и счастья привели путешественника к выводу, что нужно обратить внимание не на все человечество, а на самых близких людей. «Вольтер в конце своего остроумного и безобразного романа {«Кандида»} говорит: «Друзья! Пойдем работать в саду!», слова, которые часто отзываются в душе моей после утомительного размышления о тайне рока и счастья. Можно еще примолвить: «Пойдем любить своих домашних, родственников и друзей, а прочее оставим на произвол судьбы!»¹⁴ Повествователь предлагает читателю различные картины счастья, одно из достижимых на земле и самых почитаемых путешественником является счастье в кругу семьи. Картины семейного счастья и вера в то, что такое счастье принадлежит «истинному счастью», встречаем по ходу повествования не единожды. С особенным восторгом повествователь описывает семейное счастье в раме идиллических зарисовок сельской жизни. Так, гуляя по окрестностям Франкфурта, путешественник наблюдает за матерью, играющей с двумя сыновьями недалеко от уединенного домика с садом, его сердце наполняется благостным чувством: «Любезная картина семейственного счастья! Может быть, в городе она бы меньше меня тронула, но среди сельских красот сердце наше живее чувствует все то, что принадлежит к составу истинного счастья, влияющего благодетельным существом в сосуд жизни человеческой»¹⁵. Истинное или прямое счастье – это то, что российские поэты и мыслители ищут на протяжении всего века, начиная с сагиры А. Кантемира «Об истинном блаженстве», написанной в духе английской морализаторской поэзии того времени, и многочисленных од «На Счастье» (переводных и оригинальных), сочиненных почти всеми поэтами века Просвещения. Такого высокого эпитета «истинное» счастье в большинстве случаев удавалось только блаженство потустороннего мира. Карамзин относит семейное благополучие к подлинным наслаждениям земной жизни.

Более того, счастье в кругу семьи немецкий поэт и писатель Вейсе ставит выше творчества, выше успеха своих сочинений. «Вейсе с великою скромностию говорит о своих сочинениях; однако ж без всякого притворного смирения, которое для меня так же противно, как и самохвальство. - С каким чувством описывает семейственное свое счастье! «Благодарю бога, - сказал он сквозь слезы, - благодарю бога! Он дал мне вкусить в здешней жизни самые чистейшие удовольствия; и я осмелился бы назвать свое счастье совершенным, если бы небесная благодать возвратила здоровье дочери моей, которая несколько лет больна и которой искусство врачей не помогает». Заметим, что иерархический подход к разным воплощениям счастья прослеживается на всем протяжении сюжета путешествия. К примеру, счастье ученого состоит в том, чтобы сохранить верность своим представлениям, своим открытиям, и потому Николай Коперник, по мнению повествователя, счастливее Галилея, которому пришлось отречься от истины. Высокий статус семейного счастья в иерархии образов счастья особенно ярко представлен при описании

¹⁴ Карамзин 1984, 83.

¹⁵ Карамзин 1984, 83.

Англии и англичан, преуспевших в способности находить удовольствие в кругу родных людей. «Не смотря на лондонскую огромную церковь св. Павла, не глядя на Темзу, через которую великолепные мосты перегибаются и на которой пестреют флаги всех народов, не удивляясь богатству магазинов Ост-Индской компании и даже не в собрании здешнего Ученого королевского общества, говорю я: «Англичане просвещены!», - нет, но видя, как они умеют наслаждаться семейственным счастьем, твержу сто раз: «Англичане просвещены!» Просвещенность понимается повествователем через призму счастья - как умение чувствовать счастье внутри семьи. Однако цельность бытия, искомую и желанную, невозможно найти в мире искусства или в мире людей, для ее обретения необходимо особое чувство – чувство природы.

2.5 Счастье в наслаждении Природой: и все-таки Швейцария

Слияние с природой – одно из условий истинного счастья на земле. Ощущение счастья связано с особым чувством умиления и восторга, пробуждаемым красотой природы, которая доставляет путешественнику большее наслаждение, чем красота искусства. Путешественник делает зарисовки с натуры и дает эмоциональный отклик на них: «Июля 17. В шестом часу вышел я за город с покойным и веселым духом; бросился на траву бальзамического луга, наслаждался утром - и был счастлив!». Наслаждение эстетической стороной природы позволяет человеку прочувствовать гармонию бытия. Полнота чувства приводит повествователя к откровениям о мире и человеке, несет благодатные, счастливые прозрения. Например, путешественник описывает вечер на берегу Эльбы, картины Аркадии с зелеными коврами лугов и обильными полями потрясает его душу:

«Вечернее солнце кроткими лучами своими освещало сию прекрасную картину. Я смотрел и наслаждался; смотрел, радовался и - даже плакал, что обыкновенно бывает, когда сердцу моему очень, очень весело! - Вынул бумагу, карандаш; написал: «Любезная природа!» - и более ни слова!! Но едва ли когда-нибудь чувствовал так живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми; и едва ли когда-нибудь в сердце своем был так добр и так благодарен против моего творца, как в сии минуты. Мне казалось, что слезы мои льются от живой любви к Самой Любви и что они должны смыть некоторые черные пятна в книге жизни моей»¹⁶.

В немом катарсисе, переживаемом путешественником от соприкосновения с великолепием Природы и сопровождаемом только слезами, происходит прозрение, прозрение сердца, а не разума: человек создан для счастья, и в этот вдохновенный момент слиянности человека и Творца ему открывается новое чувство - «любви к Самой любви», самодостаточности бытия без дополнительных смыслов и оснований. Природа выступает посредником между Человеком и Богом, хранительницей сокровенного знания и первоначальных чувств. На новый уровень размышлений о природе счастья повествователь перейдет в путешествии по Швейцарии.

В долине Гасли он остановился возле хижины пастуха, чтобы утолить жажду. Пастух, говоривший на плохом немецком языке и с радостью подававший чашку за чашкой путешественнику, показался ему братом. Естественное родство всех людей, прочувствованное в этот момент путешественником, приводит к ностальгическим размышлениям о тех временах, когда «все люди были пастухами и братья-

¹⁶ Карамзин 1984.

ми», когда люди наслаждались подлинными удовольствиями, в которых участвует сердце, «и которые нас подлинно счастливыми делают». В антитезе естественной жизни и цивилизации Карамзин отдает предпочтение природному началу: это зависть просвещенного человека, обеспокоенного тысячами забот и беспокойств, к мифологическому золотому веку покоя и довольства, олицетворением которого для путешественника стал швейцарский пастух. В прощальном взгляде пастуха путешественник прочитал пожелание счастья: Поди и будь счастлив! И путешественник желал всем сердцем ему счастья, но «он уже нашел его». Пастушество было символом патриархального мира, идиллически счастливой жизни, именно пастушеству «сопутствует покой» в большей мере, чем тяжелому труду пахаря или рыбака¹⁷.

Чувство природы затрагивает важный вопрос – вопрос о смерти, о страхе смерти, парадоксальным образом связанный с понятием счастья. Повествователь восхищается красотой швейцарской природы, которая дарует им наивысшее счастье, дарует им жизнь, в которой и самая смерть не может быть страшным событием. Экстатическое чувство приводит повествователя к мысли о том, что ужас смерти не есть врожденное чувство, что оно появилось у человека вследствие того что он уклонился от «путей природы». Путешественник готов умереть здесь, потому что он уверен, что природа в момент смерти человека «зовет его к новому счастью, что изменение существа моего есть возвышение красоты, перемена изящного на лучшее». В этой первозданной красоте природы повествователь открывает для себя высочайшую благодать и просит прощения у Провидения за свои жалобы на жребий человека. Наслаждение красотой природы не только наивысшее наслаждение, но и возможность поверить в милосердный замысел Провидения, в котором самая смерть есть лишь начало «нового счастья». Согласно повествователю, природа – источник счастья на земле и обещание «нового счастья» после смерти.

Идея счастья на лоне природы получает воплощение в многочисленных картинах сельской жизни, рисуемых Карамзиным: это идиллические пейзажи с фигурами пастушка и пастушки, счастливые семейства, которые проводят свою жизнь на лоне прекрасной природы в праведных трудах («Мейсен, июля 13»). Одним из свойств истинного счастья, испытываемого крестьянами, является то, что они «чувствуют бытие и наслаждаются им». Труд в непосредственной близости с природой дает «чувство бытия». Именно здесь Карамзин находит точку соединения быта и бытия, наполняющую душу гармоничными созвучиями. И снова звучит идея ограничения желаний, крестьянские желания ограничены «обширностью его полей». Важная оговорка, которую делает повествователь: ему *кажется*, что поселяне были благополучны. Это «кажется», часто употребляемое повествователем, снимает категоричность суждений, предлагая читателю свободу для собственных умозаключений. Более того, после зарисовки «аркадского пейзажа» и счастливых крестьян, целующихся как горлицы, путешественник вступает в диалог с попутчиком-студентом. Они обсуждают то самое «чувство бытия», о котором шла речь в предыдущем фрагменте, и – их взгляды не совпадают: студент настаивает, что сердцу верить нельзя, сердечное уверение есть ненадежное доказательство, на что путешественник отвечает цитатой из Лафатера. Однако их раз-

¹⁷ Шайтанов 1989, 37.

говор обрывается бытовым событием – приглашением к обеду. Ни одна из точек зрения не высказана полностью, каждая под сомнением, выбор за читателем.

2.6 Полифония интонаций: простодушные рецепты счастья и некоторые заметки по поводу счастья

В «Письмах русского путешественника» Карамзин создает уникальную для своего времени полифонию точек зрения по разным вопросам, в том числе и по интересующему нас вопросу счастья. Вера в возвращение «Астреина века» входила в комплекс базовых мотивов масонской философии литературы¹⁸. И путешественник признается в том, что мечта о благоденствии первых времен привлекала и будет привлекать просвещенных людей и когда-нибудь станет реальностью. Счастье государства, по мнению путешественника, невозможно достичь путем революций и бунтов, но лишь постепенным совершенствованием общества.

«Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. “Утопия” {Или “Царство счастья”, сочинения Моруса.} будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век золотой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения губительны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот. Предадим, друзья мои, предадим себя во власть провидению: оно, конечно, имеет свой план; в его руке сердца государей - и довольно».

Здесь за голосом повествователя узнаем голос самого Карамзина, однако «Письма русского путешественника» представляют собой живое, динамичное повествование, лишенное морализаторства и дидактизма¹⁹. Так, ностальгия по золотому веку и путь медленного совершенствования человеческой природы уравновешена простодушной теорией, которой поделился с путешественником молодой доктор медицины, живший с ним в одном трактире во Франкфурте. Согласно его концепции, испорченный желудок является источником пороков, дурных навыков и злых дел. Связь тела и души для доктора очевидна, и рецепт золотого века, который бы он прописал человечеству, предельно прост: людей не нужно убеждать словами, а дать им «несколько приемов очистительного»: «Отчего в золотом веке были люди и добры и счастливы? Конечно, оттого, что они, питаясь только растениями и молоком, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. <...> если бы я был государем, то велел бы всех преступников вместо наказания отсылать в больницы и лечить до того, пока они сделались бы добрыми людьми и полезными гражданами»²⁰. Путешественник не комментирует возвращение золотого века с помощью очистительного лекарства, он лишь констатирует: «Я удивлялся логике...».

Еще большей иронией пронизан эпизод в трактире Мемеля, когда трактирщик, до крайности разговорчивый, рассказывал о том, что у него хорошая репутация, постояльцы его довольны, ведь «тот счастлив в здешней жизни, и ничего не

¹⁸ Ефремова 1999.

¹⁹ Алпатова 2012, 229–241.

²⁰ Карамзин 1984, 314.

боится, и ни от чего не бледнеет...», у кого совесть чиста и покойна. И в тот момент, когда трактирщик бахвалится своим добронравием, гремит гром: трактирщик испугался, побледнел и побежал закрывать окно. Одно из общих мест философии Просвещения, и карамзинской в том числе, заключалось в том, что чистая совесть и добродетельность – залог земного покоя и счастья. Карамзин иронизирует не над самим принципом «жить по совести» и тем добыть себе счастья, но над слабыми людьми, которые прикрываются им как истиной, но не следуют ему. Догмы, принципы и формулы, самые верные и правильные, проходят проверку реальной жизнью, а точнее – не проходят: утопический посыл просветителей по возвращению золотого века разбивается о несовершенство мира и человеческой природы. И Карамзин-художник верен правде жизни.

Даже при посещении Бедлама в Лондоне тема счастья предстает в трагикомическом свете: «Бешеные сидят особливо; иные прикованы к стене. Один из них беспрестанно смеется и зовет к себе людей, говоря: «Я счастлив! Подите ко мне; я вдохну в вас блаженство!» Но кто подойдет, того укусит».

Размышления в Виндзорском парке приносят путешественнику сладкую грусть, заставляя размышлять о счастье, думать о периодах жизни человека. Счастье здесь – исполнение надежд: «Темные, лестные, милые надежды сердца! Исполнитесь ли вы когда-нибудь? Живость ваша есть ли залог исполнения? Или, со всеми правами быть счастливым, узнаю счастье только воображением, увижу его только мельком, вдали, подобно блистанию молний, и при конце жизни скажу: «Я не жил!»» Молодость – прелестная эпоха нашего бытия, «сердце бьется в восхитительном ожидании, теряется в желаниях, в выборе счастья и наслаждается возможным еще более, нежели действительным. Слава и любовь не дарят истинного счастья. «Жизнь наша делится на две эпохи: первую проводим в будущем, а вторую в прошедшем. До некоторых лет, в гордости надежд своих, человек смотрит все вперед, с мыслию: «Там, там ожидает меня судьба, достойная моего сердца!» Потери мало огорчают его, будущее кажется ему несметною казною, приготовленною для его удовольствий. Но когда горячка юности пройдет, когда сто раз оскорбленное самолюбие поневоле научится смирению, когда, сто раз обманутые надеждою, наконец перестаем ей верить, тогда, с досадою оставляя будущее, обращаем глаза на прошедшее и хотим некоторыми приятными воспоминаниями заменить потерянное счастье лестных ожиданий, говоря себе в утешение: «И мы, и мы были в Аркадии!» Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящим, тогда же бываем до крайности чувствительны и к самомалейшей трате, тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренний дружеский разговор, даже ласки верной собачки (которая не оставила нас вместе с неверными любовницами!) извлекают из глаз наших слезы благодарности, но тогда же и смерть любимой птички делает нам превеликое горе.

Одна из просветительских идей о счастье заключается в том, что счастье находится внутри самого человека и не зависит от внешнего мира. Пражский студент, попутчик путешественника, рассказывает о том, что его друг погиб от несчастной любви к легкомысленной женщине, поэтому он поклялся быть вечно холостым, посвятив себя наукам: «И, благодаря бога! Могу быть счастлив сам собою!» Вложенная в уста мальчика-студента эта декларация выглядит запальчивой и поверхностной. По-иному схожая мысль звучит из уст Виланда, талантливого

поэта и писателя, создававшего в своих произведениях совершенного человека и иронизировавшего над несовершенством реального мира и над людскими пороками. По признанию путешественника, по возвращении в Россию он будет жить в мире с природою, любить изящное и наслаждаться им, на что Виланд отвечает: «Кто любит муз и любим ими, <...> тот в самом уединении не будет празден и всегда найдет для себя приятное дело. Он носит в себе источник удовольствия, творческую силу свою, которая делает его счастливым»²¹. История о парижском Диогене, гении деятельной мудрости, начинается с выяснения главного вопроса: «Счастлив ли ты, добрый человек?» За положительным ответом «Диогена» следует выяснение, что же составляет «Диогеново» малое счастье: в работе, отдыхе, безопасности, в благодарностях Богу.

Путешественник размышляет о различиях в судьбе человеческой: одни довольствуются родительским домом и полями, им возделываемыми, другие – пытливы в своем познании и «не могут ограничить своего любопытства». «В человеческой натуре есть две противные склонности: одна влечет сердце наше всегда к новым предметам, а другая привязывает нас к старым; одну называют непостоянством, любовь к новостям, а другую - привычкою. Мы скучаем единообразием и желаем перемен; однако ж, расставаясь с тем, к чему душа наша привыкла, чувствуем горечь и сожаление. Счастлив тот, в ком сии две склонности равносильны!» Счастье человеческой природы определяется гармонией нового и старого, балансом покоя и движения внутри человеческой личности.

О климатических условиях счастья. Если И.Г. Гердер, с которым Карамзин встретился в Веймаре, открыл зависимость характера нации, души народа от природной среды и климата («Идеи к философии истории человечества» / *«Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit»*, Riga, 1784–1791), то путешественник размышляет подобным образом о способности испытывать счастье в том или ином климате. Он замечает, что и «в Сибири можно быть счастливым, когда сердце довольно и радостно, но веселый климат делает нас веселее, а в грусти и в меланхолии здесь скорее, нежели где-нибудь, захочется застрелиться. <...> Как же англичанину не смотреть сентябрем?» О Руссо, переехавшем незадолго до смерти в Эрменонвиль, повествователь говорит: «и в дикой пустыне можно быть счастливым»: «Младенец сердцем до старости! Мизантроп, любви исполненный! Несчастный по своему характеру между людьми и завидно-счастливый по своей душевной нежности в объятиях природы, в присутствии невидимого божества, в чувстве его благодати и красот творения!»

Наблюдения за нравами различных народов дают возможность путешественнику обрисовать национальные образы счастья. То, что счастье является для путешественника призмой, через которую он рассматривает жизнь, свидетельствует описание английской болезни – сплина. Перед тем, как перейти к изображению английских богачей с их странностями, путешественник пишет: «Кто думает, что счастье состоит в богатстве и в избытке вещей, тому надобно показать многих здешних крезов, осыпанных средствами наслаждаться, теряющих вкус ко всем наслаждениям и задолго до смерти умирающих душою. Вот английский сплин! Эту нравственную болезнь можно назвать и русским именем: скукою, известною во

²¹ Карамзин 1984, 315.

всех землях, но здесь более нежели где-нибудь, от климата, тяжелой пищи, излишнего покоя, близкого к усыплению. Человек - странное существо! В заботах и беспокойстве жалуется; всё имеет, беспечен и - зевает. Богатый англичанин от скуки путешествует, от скуки делается охотником, от скуки мотает, от скуки женится, от скуки стреляется. Они бывают несчастливы от счастья!» Парадоксальное состояние «несчастье от счастья» приводит богатых англичан к ложным приятностям и странностям. От полифонии точек зрения на счастье в «Письмах русского путешественника» перейдем к публицистическому опусу Карамзина на ту же тему.

3 «О счастливейшем времени жизни» (1803): когда же счастье?

Небольшое эссе, опубликованное в «Вестнике Европы», имеет явный полемический характер, причем Карамзин вступает в спор с философами и древними, и современными, перефразируя Пушкина скажем, что Карамзин пытается доказать, что печальные истины дороже, чем нас возвышающий обман. «Обманом» Карамзин назовет историю философии по поводу счастья. Своеобразный вызов Карамзин бросает мыслителям в поисках обретения истины по вопросу счастья.

Первый философ, с которым полемизирует Карамзин, – это Цицерон и его трактат «О старости (Катон Старший)» (44 г. до н.э.), основная мысль которого вложена в речь Катона. Речь его, искусно построенная по всем риторическим правилам, с большим количеством примеров, должна была убедить читателя в том, что старость – самая счастливая пора в жизни человека, с которой не может сравниться ни молодость, ни зрелость: «*Nac igitur fortuna frui licet senibus, nec aetas impedit, quo minus et ceterarum rerum et in primis agri colendi studia teneamus usque ad ultimum tempus senectutis. M. quidem Valerium Corvinum accepimus ad centesimum annum perduxisse, cum esset acta iam aetate in agris eosque coleret; cuius inter primum et sextum consulatum sex et quadraginta anni interfuerunt. Ita, quantum spatium aetatis maiores ad senectutis initium esse voluerunt, tantus illi cursus honorum fuit; atque huius extrema aetas hoc beatior quam media, quod auctoritatis habebat plus, laboris minus; apex est autem senectutis auctoritas*»²². По мысли Карамзина, человеколюбие заставило Цицерона хвалить старость, дабы утешить стариков, но, по мнению Карамзина, рассуждения Цицерона неубедительны и неутешительны, потому что остроумие воздействует на разум, но не может побороть естественное чувство в душе человека. Аргумент Карамзина прост: болезнь – сестра старости, которую невозможно славить. Далее интонация писателя меняется, он агрессивно уличает такую философию в обмане, переходит на письмо императивами: «Перестанем обманывать себя и других; перестанем доказывать, что все действия Натуры и все феномены ея для нас благотворны – в общем плане, может быть; но как он известен одному Богу, то человеку нельзя рассуждать о вещах в сем отношении».

Карамзин называет подобный оптимизм «игрой ума», не имеющей ничего общего с Философией, цель которой заниматься истинами, пусть и печальными, и отвергать ложь, пусть и приятную. Карамзин отвергает концепцию Ж.-Ж. Руссо, объявившего младенчество – счастливой порой жизни, согласно русскому писателю, младенчество должно вызывать жалость, ведь в этот период слабый организм борется с «алчной смертью». Карамзин призывает признать старость печальной, вопреки опять же Цицерону. Отвергает просветительский лозунг Локка и Лейбни-

²² Cic.Sen.60.

ца о том, что счастье есть предельная цель человеческого существования (Опыт о человеке), нет, по мысли Карамзина, земной мир – «училище терпения». В качестве аргумента российский просветитель приводит тот факт, что в древних преданиях всех народов существовало представление о том, что земная жизнь – это наказание человека, его падение.

Отметим, что Карамзин не ссылается на конкретную религию или мифологию, он отсылает к древности, когда люди постигали мир чувственно. По его мнению, эта мысль является истиной, постигнутой сердцем, в отличие от игр философского разума. Жизнь человека представляется Карамзину в очень неприглядном свете: болезнь преследует человека в младенчестве и в старости, а сердечные горести – в зрелости. Возможное на земле счастье, редко случающееся, омрачается мыслью «или мы оставим его, или оно оставит нас», следовательно, истинное счастье на земле обрести невозможно.

Подобный вывод можно было бы считать итогом размышлений, по сути, - отрицанием земного счастья. Но Карамзин нацелен на истину и потому не может не признать, что счастье и благо – слова, которые занимают значительное место в лексиконе людей, а значит представляют для них ценность. Поэтому Карамзин предлагает следующее допущение: принцип относительности, все познается в сравнении, и вновь задается вопросом: «Какую же эпоху жизни можно назвать *щастливейшую по сравнению?*» (курсив Н.М. Карамзина. – Т. А.). Ответ Карамзина таков: последняя степень зрелости, полнота телесных и душевных сил, время перед увяданием.

Данная мысль показалась бы слишком туманной, если бы не конкретный возраст, на который указывает Карамзин, а именно: тридцать пять лет. Именно столько лет Карамзину, когда он пишет это эссе. К этому времени человек, по мнению Карамзина, достигает необходимой мудрости, которая подсказывает ему находить удовольствие в ближнем круге бытия: в семейных радостях, в хозяйственных делах, в службе на пользу обществу, уже избранной и определенной. По Карамзину, они приносят больше радости, чем шумные забавы молодости. Кроме того, зрелый человек более благодарен судьбе за здоровье и за наслаждения от жизни, которое в юности не ценятся: «Самое *чувство жизни* бывает гораздо милее, когда уже пролетела ея быстрая половина <...>». И еще один довод Карамзина: «В сие время торжествует Гений...» Это время свершений и откровений, когда человек может постигать истины, «быть современником веков и гражданином вселенной». По Карамзину, истинное утешение человека заключается в обретении славы, которая дарует ему бессмертие, столь недолговечному в физическом отношении.

Вроде бы, ответ на поставленный вопрос найден, но философские построения разрушается финальным абзаце. Это лирический пассаж, в который врывается авторский голос – «Я», откровенно признающийся в том, что он не жалеет о цветущих и пылких днях молодости, потому что помнит и восторги и тоску, помнит восторги, но не помнит счастья. И более того, для него на свете счастья нет: «его нет и теперь для меня в свете – но не в летах кипения страстей, а в полном развитии ума, в мирных трудах его, в тихих удовольствиях жизни единообразной, успокоенной, хотел бы сказать я солнцу: остановися! Естли бы в то же время мог бы сказать и мертвым: возстаньте из гроба!» Главная причина – это потери близких людей, невосполнимые потери, не позволяющие обрести счастье на земле.

Заключение

Концепция счастья в творчестве Карамзина формируется в конце 1780-х годов под влиянием масонской философии и преромантической поэзии и находит выражение в стихотворениях того же времени. В картине мира, создаваемой в поэтических опытах до заграничного путешествия писателя, человеку отказано в земном счастье, он обречен на страдания и горести в мрачной земной юдоли. С отрицания счастья начинается и сюжет путешествия в «Письмах русского путешественника» Карамзина, одна из линий которого прочитывается как поиск образчиков человеческих наслаждений. Этическое, эстетическое, национальное, социальное, философское, гендерное измерения переплетаются в едином сюжете поиска земного счастья. И кажется, оно найдено: в семье, в любви, в наслаждении природой, в творчестве, в искусстве. Особенностью концепции счастья в «Письмах русского путешественника» представляет собой синтез многочисленных точек зрения на счастья – античных и современных, с которыми автор соглашается или спорит, над которыми иронизирует или размышляет. Многоголосье точек зрения и многообразие картин счастья образуют принципиально открытую структуру для читательских толкований, где философское обобщение соседствует с наивным умозаключением, а повествователь не дает универсального рецепта счастья. Однозначная концепция счастья явлена в публицистическом дискурсе. Карамзин открыто полемизирует с античными философами и современными ему мыслителями, уличая их в обмане и разрушая оптимизм просветительских концепций, и выносит печальный приговор человеческому роду: истинное счастье возможно только на небесах. За шесть лет до смерти в письме к императрице Елизавете Алексеевне от 30 июля 1820 года Карамзин напишет: «<...> мне 52 года от роду <...> и я более тридцати лет учусь выражать свои мысли и чувства <...> Я желал бы, чтобы моя печальная для здешнего света система казалась Вам нелепостью; то есть, чтобы Вы, вопреки ей, наслаждались и на земле непрерывным счастьем»²³.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатова, Т.А. 2012: *Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования*. М.
- Барсков, Я.Л. 1915: *Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1790*. Петроград.
- Барсков, Я.Л. 1915: *Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1790*. Петроград.
- Ефремова, Е.В. 1999: *Стихотворное наследие Николая Михайловича Карамзина. Проблемы поэтики и верификации*: дисс. на соис. уч. ст. канд. филол. н. М.
- Заборов, П.Р. 1964: «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах. *Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма* 6, 269–279.
- Карамзин, Н.М. 1984: *Письма русского путешественника*. Л.
- Кочеткова, Н.Д. 1994: *Литература русского сентиментализма*. СПб.
- Левин, Ю.Д. 1990: *Английская поэзия и литература русского сентиментализма. Восприятие английской литературы в России*. Л.
- Лотман, Ю.М. 1969: Руссо и русская культура XVIII-начала XIX века В кн.: *Руссо Ж.-Ж. Трактаты*. М., 562–563, 582–583.

²³ Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина 1862, 44–45.

- Маслова, А.Г. 2012: Поэтическое творчество Н.М. Карамзина в контексте масонской поэзии XVIII века. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова* 4 (18), 128–131.
- Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина*. 1862. СПб.
- Руссо, Ж.-Ж. 1961: *Избранные сочинения*: в 3 т. Т 1. М.
- Сапченко, Л.А. 2004: «Времена года» Дж. Томсона и «О счастливейшем времени жизни» Н. Карамзина. В сб.: Т.Н. Пахсарян (ред.), *XVIII век: искусство жить и жизнь искусства*. М., 303–315.
- Сахаров, В.И. 2000: Н.М. Карамзин и вольные каменщики. В кн.: В.И. Сахаров (ред.), *Масонство и русская литература XVIII вв.* М., 144–156.
- Сиповский, В.В. 1899: *Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника»*. СПб.
- Смирнов, А. 2004: Концепт счастья в публицистике Н. Карамзина В сб.: Т.Н. Пахсарян (ред.), *XVIII век: искусство жить и жизнь искусства*. М., 370–379.
- Тихонравов, Н.С. 1862: Четыре года из жизни Карамзина. *Русский вестник* 4 (38), 471.
- Шайтанов, И.О. 1989: *Мыслящая муза*. М.
- Kavanagh, T. 1996: *Esthetics of the Moment: Literature and Art in the French Enlightenment*. Philadelphia.
- Kavanagh, T., Norton, B.M. 1996: *Fiction and the Philosophy of Happiness: Ethical Inquiries in the Age of Enlightenment (Transits: Literature, Thought & Culture, 1650-1850)*. Lewisburg.
- Mauzi, R. 1960: *L'idée du bonheur au XVIIIe siècle*. Paris.
- Potkay, A. 2010: Narrative Possibilities of Happiness, Unhappiness, and Joy. *Social Research* 77, 2, 523–544.
- Potkay, A. 2000: *The Passion for Happiness: Samuel Jonson and David Hume*. Ithaca.

REFERENCES

- Alpatova, T.A. 2012: *Proza N.M. Karamzina: poetika povestvovaniya*. Moscow.
- Barskov, Ja.L. 1915: *Perepiska moskovskih masonov XVIII veka. 1780–1790*. Petrograd.
- Barskov, Ja.L. 1915: *Perepiska moskovskih masonov XVIII veka. 1780–1790*. Petrograd.
- Efremova, E.V. 1999: *Stihotvornoe nasledie Nikolaya Mihaylovicha Karamzina. Problemy poetiki i verifikacii*: diss. na sois. uch. st. kand. filol. n. Moscow.
- Karamzin, N.M. 1984: *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. Leningrad.
- Kavanagh, T. 1996: *Esthetics of the Moment: Literature and Art in the French Enlightenment*. Philadelphia.
- Kavanagh, T., Norton, B.M. 1996: *Fiction and the Philosophy of Happiness: Ethical Inquiries in the Age of Enlightenment (Transits: Literature, Thought & Culture, 1650-1850)*. Lewisburg.
- Kochetkova, N.D. 1994: *Literatura russkogo sentimentalizma*. Saint-Petersburg.
- Levin, Ju.D. 1990: *Anglijskaja poezija i literatura russkogo sentimentalizma. Vospriyatie anglijskoy literatury v Rossii*. Leningrad.
- Lotman, Ju.M. 1969: Russo i russkaya kul'tura XVIII-nachala XIX veka In: *Russo Zh.-Zh. Traktaty*. М., 562–563, 582–583.
- Maslova, A.G. 2012: Poeticheskoe tvorchestvo N.M. Karamzina v kontekste masonskoy poezii XVIII veka. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* 4 (18), 128–131.
- Mauzi, R. 1960: *L'idée du bonheur au XVIIIe siècle*. Paris.
- Neizdannyya sochineniya i perepiska Nikolaya Mihaylovicha Karamzina*. 1862. Saint-Petersburg.
- Potkay, A. 2000: *The Passion for Happiness: Samuel Jonson and David Hume*. Ithaca.
- Potkay, A. 2010: Narrative Possibilities of Happiness, Unhappiness, and Joy. *Social Research* 77, 2, 523–544.
- Russo, Zh.-Zh. 1961: *Izbrannye sochineniya*: v 3 t. Т 1. Moscow.

- Saharov, V.I. 2000: N.M. Karamzin i vol'nye kamenshhiki. In: V.I. Saharov (red.), *Masonstvo i russkaya literatura XVIII vv.* M., 144–156.
- Sapchenko, L.A. 2004: «Vremena goda» Dzh. Tomsona i «O schastliveyshem vremeni zhizni» N. Karamzina. In: T.N. Pahsarjan (red.), *XVIII vek: iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva.* M., 303–315.
- Shaytanov, I.O. 1989: *Myslyashhaya muza.* Moscow.
- Sipovskiy, V.V. 1899: H. M. Karamzin, avtor «Pisem russkogo puteshestvennika». Saint-Petersburg.
- Smirnov, A. 2004: Koncept schast'ya v publicistike N. Karamzina In: T.N. Pahsaryan (red.), *XVIII vek: iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva.* M., 370–379.
- Tihonravov, N.S. 1862: Chetyre goda iz zhizni Karamzina. *Russkiy vestnik* 4 (38), 471.
- Zaborov, P.R. 1964: «Nochnye razmyshleniya» Junga v rannih russkih perevodah. *Russkaya literatura XVIII veka. Jepoha klassicizma* 6, 269–279.

THE PHILOSOPHY OF HAPPINESS IN KARAMZIN'S WORKS: IN SEARCH OF TRUE BLISS

Tatiana E. Abramzon

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
ate71@mail.ru

Abstract. This article is the result of a study investigating the philosophy of happiness in poetry, social and political essays and in “The Letters of a Russian Traveller” by N.M. Karamzin. The research concentrates on the main stages in the development of Karamzin’s concept of happiness and its peculiarities connected with genre specificities of literary works. Karamzin formulated the basic ideas of the concept of happiness under the influence of masonic philosophy and preromantic poetry while living in Moscow in the 1780s. Earthly happiness is considered as a shadow of true celestial bliss. After breaking up with masons and going abroad Karamzin in “The Letters of a Russian Traveller” (1791–1792) offers readers a variety of viewpoints on happiness. These points of view cannot be arranged in a strict system: the author narrates a story in a manner which makes it absolutely open for a reader’s perception, i.e. profound philosophic reasoning is counterbalanced with author’s irony and naïve stories of everyday life about happiness. In his philosophic and journalistic essay “About the Happiest Time in Life” (1803) Karamzin strenuously argues with ancient and contemporary philosophers over happiness, proving that it cannot exist on the earth and catching philosophers in a deception. Karamzin’s philosophy of happiness is based on a synthesis of ancient and European conceptions of the Age of the Enlightenment. The main tenet underpinning his philosophy is the concept of ethic origin, yet true happiness and bliss are left for heaven.

Key words: the Enlightenment, Karamzin, “The Letters of a Russian Traveller”, masonry, the philosophy of happiness, earthly happiness
